
ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЕЛЕНА РОДЧЕНКОВА

СЛАВЯНСКОЕ СЕРДЦЕ ГЕРМАНИИ

Когда-то земли между Одером и Эльбой – это территория в общих чертах совпадает с той, что занимала ГДР, – была заселена славянами. Затем пришли германцы и вырезали свободолюбивых, но плохо организованных славян. Остатки были лишены родного языка и ассимилированы.

Так бы и исчезли следы славян в Германии, если бы не сорбы, или лужичане – коренные жители Нижней Лужицы (Лузании). Сейчас в ФРГ проживает всего около 60 000 сорбских (или сербских – как их ещё называют) славян. Это единственное сохранившееся “коренное” славянское племя в Германии. Мал золотник, да дорог.

По дороге из города Баутцена к дому известного сорбского писателя Юрия Брезана любуюсь тихой красотой края, фотографирую сказочные деревеньки, домики, из окон которых вот-вот выглянут Кай или Герда, и вдруг ловлю себя на мысли, что жду: скоро машина подъедет к воротам моего родного дома, и выйдёт навстречу мама... Места эти удивительно похожи на наши пушкингорские. Несмотря на то, что поля ухожены, дома не рушатся, деревни живы, создаётся впечатление, что едешь по воскресшей Псковщине...

Делюсь впечатлением с Бенедиктом Дурлихом – председателем Сербского союза деятелей культуры и главным редактором ежедневной газеты “Сербские новины”. Он удивляется: вы родом из пушкинских мест?! Оказалось, он был 30 лет назад на пушкинском празднике поэзии. Я тогда была школьницей, мы всем классом ежегодно приходили на Поляну в Михайловское и слушали поэтов, съезжавшихся со всего мира. Помню, с самого края на огромной сцене сидела Римма Казакова и очень мучилась от палящего июньского солнца, прикрывала лицо книгой, тяжело вздыхала. “А рядом с Риммой Казаковой сидел я!” – воскликнул Бенедикт Дурлих. Мир тесен, хотя и бесконечен, но вечный мир имеет ещё способность проглатывать время. В этот миг, кажется, мы оба оказались снова на той поляне в Михайловском: молодой сербский поэт и местная школьница, удивлявшаяся стихам.

Затем мы оказались в доме поэта и переводчика Бено Будара, затем – на поэтической поляне возле дома писателя Юрия Брезана, и меня опять не покидало ощущение, что всё происходит дома: могучие деревья, простые, доброжелательные люди, воздух, наполненный рифмами, и даже Пушкин рядом, только на сербском и немецком языках.

Идея организации сорбского поэтического фестиваля возникла у Бенедикта Дурлиха в Михайловском, материализовалась и в этом году отметила свой 30-летний юбилей – такой вот богатый плод благой мысли.

С 3 по 6 июля программа фестиваля была настолько насыщенной и плотной, что невозможно перечислить все мероприятия, на которых мы побывали. Всего выступало более 30 поэтов, среди них: Богдан Урбанковский (Варша-

ва), Петер Хендке (Париж), Януш Войчек (Ополе), Петер Чачко, Ян Замбор (Братислава), Милан Храбал (Вамсдорф), Владимир Криванек (Прага), Галина Круг (Львов), Петер Хускауф (Берлин), Юрий Кох (Котбус), Бено Будар, Кайтан Дурлих, Томас Навка (Бутцен), Ядвига Робел (Остро) и многие другие.

Уставшие, полные впечатлений, возвращались мы под вечер в свою маленькую уютную гостиницу, где во внутреннем дворике, в зарослях цветов собирались за столом и пели по кругу песни своих народов. Все песни хороши, но неожиданным оказалось услышать и понять, что язык народа, его песня, его характер – это некое триединство, в котором выражается история народа, его судьба, миссия. Чешский язык схож со словацким, украинский – с польским, но песни их совсем не схожи. Польские песни – мягкие, чешские – сдержанные, украинские – бесшабашные, сербские – волевые. Но никто меня не попрекнёт, если я скажу, когда спела нашу: “Ты гори, гори, моя лучина, догорю с тобой и я”, – то долго потом звучала ночная тишина, а все за столом молчали.

Удивительное дело: никто из участников фестиваля не знал английского, поэтому первые два дня пришлось туго. Чехи понимают украинцев, словаки понимают сербов, сербы вообще всех понимают, а я не понимала никого. Но потом произошёл некий щелчок, и вдруг одновременно стала понимать всех. К концу фестиваля каждый говорил на родном языке, и все друг друга разумели, а что не разумели, то чувствовали каким-то седьмым чувством. Наверное, это и есть – общая кровь и её голос, который пробуждается и звучит, когда брату нужно понять брата. Да, это – братство, и его не разрушишь ничем. Это нам дано свыше.

Правда, один чех все разговоры о поэзии заканчивал темой ввода советских войск на территорию Чехословакии в 1968 году, а на все мои старания перевести разговор на другую тему угрюмо молчал. У поляков тоже есть затаённые обиды. А у сербов отношение к России такое же, как у моряков, долгое время плывущих к родному материку, с которым потеряна связь. Политика – дело хитрое и по сравнению с поэзией – недолговечное. Рушатся империи, рождаются государства, рисует новые картины некая “госпожа глобализация”, а Пушкин остаётся Пушкиным. Поэзия – другая сторона подлунного мира, она открывается не всем, но тот, кто её открывает, обретает ключ и для других открытий.

Язык сорбов схож с польским и чешским, однако сорбские переводы с русского оказываются самыми близкими по звучанию к оригиналу. Сорбская письменность появилась в XVI веке и служила в основном для сохранения основ религиозного самосознания сорбов. В результате немецкой колонизации сорбы приняли католичество.

Славным для мира было племя пруссов, однако оно целиком исчезло в результате немецкой колонизации, а вот лужицкие сорбы героически выстояли, и их 1400-летняя история трагична. В 1925 году сорбы составляли лишь 8,5% населения Лужицы. Трудно им пришлось и во время Второй мировой войны. После победы Советского Союза сорбы получили поддержку со стороны военной администрации СССР в Германии. Финансировалось издание книг на сорбском языке, стали выходить сорбские газеты, поддерживались международные контакты сорбов.

Затем на территории Лужиц были обнаружены богатые залежи бурого угля. Германия бедна энергоносителями, поэтому для снабжения топливом тепловых электростанций стали проводить разработки близлежащего к поверхности земли угля открытым способом. При этом сносились целиком сорбские поселения, людей переселяли в новые деревни, но на необжитом месте трудно восстанавливался нарушенный уклад, и население, силком согнанное с родной земли, не могло прижиться. Были мы в одной такой деревне Новая. 15 лет боролись жители и не хотели выезжать! Переехали всё же, но тоскуют. Как тут не вспомнить повесть В. Распутина “Прощание с Матёрой”. Как тут не провести аналогию с не нужным теперь никому “цветущим” Рыбинским водохранилищем, ведь на месте отработанных копей на сорбских землях вокруг новых, искусственных деревень мастерятся новые неживые озёра.

Сорбы – одна из двух народностей, которые проживают на своих территориях в Германии как “коренные”, а не пришлые: датчане в Шлезвиг-Гольштейне не чувствуют себя ущемлёнными в правах, а вот у сорбов не всё теперь благополучно. Трудности связаны с резким сокращением финанси-

вания “Фонда сорбского народа”. Председатель объединения лужицких сорбов “Домовина” Ян Нук обратился к правительствам России, Польши, Чехии, Словении, Украины и Беларуси с просьбой призвать германские власти гарантировать полноценное развитие сербского народа. Существует реальная угроза исчезновения языка и культуры сорбов – не сможет существовать Дом творчества лужских сорбов, немецко-сорбский Народный театр в Баутцене, издательства сорбских газет, невозможно будет проводить и поэтические фестивали, не говоря уж об издании книг и переводов. Лужичане – последняя сохранившаяся в Германии этническая общность славян, представители которой сохранили и используют славянский язык наряду с немецким. Ряд стран прореагировал на обращение Яна Нука, но Россия молчит.

Радостный фестиваль был с ноткой грусти, невзначай можно было услышать: “это последний”. И всё же в конце фестиваля был поставлен большой восклицательный знак. И даже не один. На заключительном концерте выступали молодёжные танцевальные коллективы, сорбские певческие группы, поэты читали стихи с параллельным переводом на сорбский, а под вечер, когда начался дождь, все собрались в огромном стилизованном старинном амбаре, где начались танцы. Под боевые, радостные, мощные сорбские песни гости-славяне танцевали-плясали, кто как мог, свои национальные танцы, включая и русскую народную дробь. И жизнеутверждающая сорбская песня объединила все характеры, все истории, судьбы и миссии. Что-то было в этом последнем танце мистическое, потрясшее до дрожи, до слёз. . .

Когда мы вернулись в город, собрались за столом и зажгли свечи, все молчали. И вдруг польский поэт Богдан Урбанковский сказал тихо: “Сегодня перевернулся мир”. Душа поэта причастна к душе мира. Она знает больше, чем экономисты, юристы и министры. Да, наверное, мир перевернулся.

На днях прочитала в интернете, что германские власти приняли решение закрыть Дом народного творчества лужских сорбов. Пишут также о том, что три недели длится акция лужских сорбов, протестующих против прекращения преподавания их языка в школе села Кроствиц. Однако у министра культуры есть уже решение верхней палаты административного суда в Баутцене, который счёл, что решение министерства, ограничивающее преподавание языка сорбов в Кроствице, прав славянского меньшинства “не нарушает”. И к чему тогда ст. ст. 5, 6 Конституции Саксонии, в которых говорится о “народе земли”, к которому относятся “немецкие граждане, немецкой, сорбской и другой национальной принадлежности”, и устанавливается, что сорбы – равноправная часть “народа земли”. Сколько юристов – столько и мнений.

Америка волком оскалилась на непреклонный, стойкий сербский народ в Сербии, Германия, по всему судя, действует в том же ключе в Лужской земле. Коварные, но тщетные усилия. Народ, нация, народность – существа живые, духовные. Не числом измеряется сила народа, а верой и волей.

30-й юбилейный сорбский фестиваль поэзии, говорят, последний. Как бы не так! Имея полуторатысячелетнюю историю, в которой только в 1948 году сорбам впервые были гарантированы равные с немецким населением права, славянам не гоже опускать руки! А как же братья-сербы, которые дают пример героизма, стойкости и мудрости всему славянскому миру, и не только славянскому!

Велики волки, страшны и опасны хищники, а чего они смертельно боятся, от чего бегут в дикие дебри, трусливо поджав свои хвосты? – От огня. Лужицы хоть и болотистая местность, но огонь там не гаснет пока. А у нас в России в лужицах после дождя ночью отражаются звёзды, а днём – солнце. Да так ярко, что обжечься можно.